

Научная статья
УДК 94(47).082.1
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-192-237-244

Советская внешняя политика в 1937–1941 гг.: восприятие молодежью Тамбовской области

Кузьма Александрович ЯКИМОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
gnom-gnom123@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению особенностей восприятия молодым поколением внешней политики советского руководства в 1937–1941 гг. Показана специфика формирования в сознании молодых людей образа внешнего врага. Исследованы основные механизмы формирования патриотических настроений молодежи. Как показало проведенное исследование общественных настроений, большинство юношей и девушек, несмотря на изменения внешнеполитического курса, готовились к войне. Вследствие активной работы пропагандистских структур возрастал престиж армейской службы, а день призыва становился одним из самых долгожданных моментов юношеской поры. Чувство долга и личной ответственности за будущее своей Родины способствовало укреплению сознательного патриотизма подрастающего поколения, что свидетельствует о высокой результативности всей системы военно-патриотического воспитания накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: молодежь, общественные настроения, патриотизм, образ внешнего врага, внешняя политика

Для цитирования: Якимов К.А. Советская внешняя политика в 1937–1941 гг.: восприятие молодежью Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 192. С. 237-244. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-192-237-244>

Original article
DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-192-237-244

Soviet foreign policy in 1937–1941: youth perception of the Tambov Region

Kuzma A. YAKIMOV

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
gnom-gnom123@mail.ru

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](#) Всемирная
Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#)
© Якимов К.А., 2021

Abstract. This work is devoted to the study of the characteristics of the young generation's perception of the foreign policy of the Soviet leadership in 1937–1941. The specificity of the development of the image of a foreign enemy in the minds of young people is shown. The main mechanisms of the development of patriotic sentiments of young people are investigated. As the survey of public attitudes has shown, the majority of young men and women, despite the changes in foreign policy, were preparing for war. As a result of the active work of propaganda structures, the prestige of the army service increased, and the day of conscription became one of the most long-awaited moments of adolescence. A sense of duty and personal responsibility for the future of their homeland contributed to the strengthening of the conscious patriotism of the younger generation, which testified to the high efficiency of the entire system of military and patriotic education on the eve of the Great Patriotic War.

Keywords: youth, public sentiment, patriotism, image of a foreign enemy, foreign policy

For citation: Yakimov K.A. Sovetskaya vneshnyaya politika v 1937–1941 gg.: vospriyatiye molodezh'yu Tambovskoy oblasti [Soviet foreign policy in 1937–1941: youth perception of the Tambov Region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 192, pp. 237–244. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2021-26-192-237-244> (In Russian, Abstr. in Engl.)

Проблема противостояния внешней военной угрозе была одной из наиболее значимых тем, способствовавших консолидации советского общества в довоенный период. Немаловажную роль в распространении сознательного патриотизма сыграл сформированный пропагандистскими структурами и закреплённый сознанием молодежи образ внешнего врага, эволюционировавший в зависимости от изменений курса внешней политики. Как верно заметила Е.С. Сенявская, накануне любой войны ведется идеологическая и психологическая обработка населения с целью внушения общественности мысли о необходимости и неизбежности войны [1, с. 35]. Безусловно, сталинское руководство осозна-

вало значимость идеологической обработки населения в условиях обострения международных противоречий довоенного периода.

В то же время, к концу 1930-х гг., именно молодежь становится основной аудиторией для средств патриотической пропаганды. Следует учесть, что юноши и девушки в силу психолого-возрастных особенностей (сравнительно низкий порог внушаемости, лабильность сознания), по сути, не обладая никакими альтернативными источниками информации, искренне доверяли строго выверенным и идеологизированным заявлениям средств массовой информации. При этом если восприятие внутрисполитического курса и экономической политики советского руковод-

ства еще могло быть осмыслено через призму личного жизненного опыта, то отношение к советской внешней политике было во многом предопределено закрытостью советского общества от внешнего мира.

К середине 1930-х гг. в качестве потенциальных агрессоров молодые люди все чаще представляли себе страны с фашистскими и милитаристскими режимами (до изменения внешнеполитического курса в августе 1939 г.). К примеру, призывник Росляков говорил: «Фашистские агрессоры Японии, Испании и Германии давно точат зубы на нашу страну. Вместе с цепными собаками, троцкистско-бухаринской сволочью, они мечтают навязать нам войну, отнять у нас радостную жизнь, которую нам дала партия Ленина-Сталина»¹. Комсомолец Черниловский был убежден в намерении Германии и Японии напасть на Советский Союз, объясняя это обстоятельство наличием военного союза между странами и агрессивной внешней политикой милитаризированных стран².

Тем не менее подписание советско-германского соглашения в августе 1939 г. не вызвало критической реакции среди молодежи. Как верно заметил В.А. Невежин, абсолютное большинство советских граждан было убеждено в том, что «вождь» не может совершить ошибок, в то же время критиковать решения правительства было небезопасно [2, с. 148-149]. По всей видимости, часть молодежи, скептически настроенной к сближению с Германией, попросту боялась открыто выражать свое несогласие с выбранным партией курсом. Репрессии 1937–1938 гг. показали обществу опасность публичного проявления инакомыслия, превращая всех несогласных в политиков «про себя».

Еще одним стереотипом довоенного периода было представление о Советском Союзе, как об осажденной крепости, окруженной «враждебными капиталистическими странами». К примеру, комсомолец Гундосов был

убежден в том, что капиталистические страны готовятся к нападению на СССР с целью захватить выгодные земли³. Главным стимулом в освоении боевых навыков молодого бойца Бутакова, по его личному заявлению, была опасность капиталистического окружения⁴. Очевидно, подобные настроения способствовали укреплению в сознании молодого поколения дихотомической картины мира, основанной на противопоставлении «мирной» политики советского руководства «агрессии» капиталистических стран. Вследствие чего неудивительно стремление молодых всеми силами способствовать укреплению обороноспособности страны.

Вопросы внешней политики пользовались у молодежи неподкупным интересом. В частности, одной из наиболее обсуждаемых тем среди молодежи была начавшаяся в ноябре 1939 г. война с Финляндией. Молодые люди не сомневались в том, что советско-финская война была инициирована правительством Финляндии, якобы подстрекаемым капиталистическими странами. После переориентации внешнеполитического курса в августе 1939 г. у большинства молодых ребят не было сомнений в том, что капиталистические страны не только являются главными разжигателями новой империалистической войны, но и имеют свои интересы в начавшемся военном конфликте между СССР и Финляндией. Весьма показательны настроения комсомольца Курчатова: «Империалисты Англии и Франции в своих планах ошиблись. Доблестные красные части Ленинградского военного округа с честью выполнили свой долг перед страной, обезопасив Ленинград и Мурманск от всяких неожиданностей и нападений»⁵. Выступавший на митинге молодой красноармеец Верховод говорил: «Мы, молодые красноармейцы, присоединяем свой голос к протесту многомиллионного советского народа против наглой провокации финляндской военщины. На провокационные действия финских вояк мы ответим отличной

¹ Молодой сталинец. 1938. 28 авг. С. 3.

² ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. 1155. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

³ Там же. Л. 1об.

⁴ Молодой сталинец. 1939. 24 дек. С. 3.

⁵ Молодой сталинец. 1940. 18 марта. С. 1.

боевой подготовкой»⁶. Весьма показателен отрывок из письма комсомольца Чистякова, отправленного брату: «Я как только услышал, что Финляндия лезет со своим свиным рылом в наш Советский огород, я тут же стал питать к ним ненависть» (цит. по: [3, с. 315]). Как видим, среди молодых ребят не было сомнений в провокации начавшейся войны Финляндией. По справедливой оценке М.В. Дьяченко, в советском обществе преобладало убеждение в справедливости советско-финской войны [4, с. 133].

Патриотический подъем молодежи формировал убеждение в том, что советско-финская война дастся также легко, как и польский поход Красной армии. Весьма характерно заявление слесаря-стахановца Иванова: «То, что недавно испытала польская военщина, отведает и финляндская, если она не прекратит провокаций»⁷. Не менее иллюстративны впечатления второкурсника Корчагина, убежденного в том, что «финляндская военщина провалится в своих планах так же, как бесславно провалились правители бывшего Польского государства»⁸. При этом в средствах массовой информации сознательно умалчивали о действительных трудностях и неудачах советско-финской войны, что в свою очередь укрепляло веру молодых в непобедимость Красной армии.

Вместе с тем на протяжении всего довоенного периода в сознании молодого поколения складывалось ошибочное представление о том, что основной театр боевых действий в грядущей войне будет непременно на территории противника. В качестве примера рассмотрим отрывок из статьи, отправленной в редакцию областной газеты двадцатилетнего юноши Порткова «Моя мечта»: «И если враг задумает покорить нашу цветущую и непоколебимую волю народа, я стану вместе с бойцами РККА в одной шеренге и буду бить врага на той территории, откуда он придет. Не пощажу своих сил, а если понадобится, и жизни для защиты любимой социали-

стической Родины»⁹. Воодушевленный победой Красной армии у о. Хасан комсомолец Куликов говорил о готовности в любую минуту уничтожить «врага» на той территории, откуда он появится¹⁰. В конечном счете подобные убеждения сыграли деморализующую роль на начальном этапе Великой Отечественной войны, поскольку общественное сознание молодежи было не подготовлено к столь длительной оборонительной войне с сильным противником.

В целях усиления патриотических настроений среди подрастающего поколения проводили специальные конференции, на которые приглашали выступать участников боев у о. Хасан, делившихся своими историями и рассказами с молодыми ребятами¹¹. В предвоенный период на территории Тамбовской области увеличилось количество лекций, описывающих героические страницы истории Российского государства. В частности, многие из них были посвящены великим русским полководцам, событиям из истории Отечественной войны 1812 г.¹² Формат и тематика подобных лекций пользовались большим интересом у молодежи Тамбовской области, нежели распространенные и довольно однообразные лекции по изучению марксистско-ленинской теории. К примеру, в Тамбове на лекцию, посвященную биографии А.В. Суворова, пришло более пятисот молодых ребят, в то время как занятия по политическому воспитанию молодежь подчас и вовсе не посещала¹³. Как видим, молодое поколение проявляло неподдельный интерес к пропаганде военных знаний, активизировавшейся в связи с напряженной международной обстановкой.

Особо важную роль в подъеме патриотических чувств молодого поколения играли раздуваемые пропагандистскими структурами образы доблестных побед Красной армии. Оптимизм и юношеский максимализм укре-

⁶ Тамбовская правда. 1939. 28 нояб. С. 1.

⁷ Молодой сталинец. 1939. 1 дек. С. 2.

⁸ Там же. С. 3.

⁹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Р. 1499. Оп. 1. Д. 790. Л. 47.

¹⁰ Молодой сталинец. 1938. 8 авг. С. 1.

¹¹ ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 159. Л. 19.

¹² ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 352. Л. 8.

¹³ ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 523. Л. 76.

пляли иллюзии молодых касательно непобедимости Советского Союза перед любым врагом. Многие советские юноши, романтизируя ратные подвиги, мечтали последовать примеру солдат, отличившихся в бою. В частности, лейтенант пехотного училища Малашенко отмечал: «И каждый раз, когда до нас доходят вести о героизме и победах Красной армии, мы проникаемся еще большим чувством гордости»¹⁴. Не менее иллюстративен отрывок из письма молодого токаря Цинли, опубликованного на страницах Тамбовской областной газеты: «Мне очень хочется стать танкистом. В рядах Рабоче-крестьянской Красной армии, вместе со всем народом по первому зову партии и правительства буду бить врага по-хасановски, не щадя своих сил»¹⁵. Нередко подобные настроения находили свое выражение в различных формах молодежного фольклора. Так, курсант военного авиаучилища написал следующие строки:

Я матери-Родины воин,
Клянусь быть отважным орлом,
Я буду в сраженьях достоин
Хасанских побед над врагом¹⁶.

Как верно заметил В.Д. Солдатенков, у молодежи формировалось отношение к войне как к «чутьчку опасному действию», участвуя в которой можно быстро стать героем [5, с. 134-135].

В довоенный период многократно возрастал престиж военной службы не только как закономерное следствие активной работы пропагандистской машины, воспевавшей героический образ солдат Красной армии, но и в результате стремления молодежи к чистым учреждениям и опрятной форме. В частности, курсант Шехманского района Соломов заявлял: «Я еще совсем молодой гражданин 1919 г. рождения, но уже давно мечтаю о том часе, когда надену красноармейскую форму и буду учиться защищать нашу великую Родину от посягательств врагов» (Коммуна.

1937. 28 февр. С. 3). Кроме того, необходимость защиты рубежей социалистической Родины от потенциального агрессора стимулировала заинтересованность молодежи в получении военных специальностей. Весьма иллюстративны настроения токаря-призывника Цепина, мечтавшего стать танкистом: «Если мне поручат это почетное дело, постараюсь овладеть искусством вождения боевых танков на «отлично» и вместе со всем народом Советского Союза буду бить врага крепко, не щадя своих сил»¹⁷.

Несмотря на обострение международных отношений, для большинства молодых ребят в конце 1930-х гг. день призыва становился одним из самых долгожданных моментов юношеской поры. Так, комсомолец Кормилин заявлял: «Наконец-то я дождался дня призыва в Красную армию. К этому дню я готовился давно, готовил производственные подарки и передавал свой опыт работы другим товарищам»¹⁸. Не менее показателен отрывок из письма призывника Ростелаева: «Радостно жду момента, когда меня призовут в Красную армию. Обязанности воина РККА я буду выполнять честно. За дальнейшее процветание нашей любимой Родины я не пощажу свою жизнь»¹⁹. Похожие настроения были присущи допризывнику Чекалову: «Служить в Красной армии – моя заветная мечта. Я готов отдать все свои силы делу обороны нашей прекрасной Родины»²⁰.

Многократно возросло количество юношей, требовавших досрочного зачисления в ряды РККА. Весьма показательна просьба молодого колхозника Трунина, заявлявшего: «Прошу досрочно зачислить меня в ряды доблестной Красной армии. Буду верным бойцом и защитником неприкосновенности священных границ нашей Родины»²¹. Еще более примечательны настроения юного колхозника Валова, впечатленного «освобождением» братских народов Украины и Белоруссии от «кабалы» польских помещиков и

¹⁴ Молодой сталинец. 1939. 5 дек. С. 2.

¹⁵ Тамбовская правда. 1939. 15 сент. С. 3.

¹⁶ Молодой сталинец. 1939. 23 февр. С. 3.

¹⁷ ГАТО. Ф. 1499. Оп. 1. Д. 903. Л. 75.

¹⁸ Там же. Л. 75.

¹⁹ Тамбовская правда. 1939. 24 июня. С. 4.

²⁰ Тамбовская правда. 1938. 22 апр. С. 4.

²¹ Молодой сталинец. 1938. 16 сент. С. 4.

«эксплуататоров»: «Я прошу досрочно зачислить меня в кадры РККА. Я хорошо владею трактором, также хорошо и быстро овладею танком и вместе со старыми бойцами пойду на защиту своей матери-Родины»²². Подобные настроения объясняются не только возросшим престижем военной профессии, но и стремлением молодых ребят не отставать от ратных успехов своих сверстников, успевших послужить своей Родине.

Распространенным явлением на фоне общего патриотического подъема были случаи отказа от использования льгот, освобождавших от прохождения обязательной военной службы. Обратимся к рассмотрению характерного отрывка из коллективного письма призывников Козлова, Поворова и Бондаренко, отказавшихся от льгот, освобождавших их от службы в армии: «Быть воином нашей Красной армии желает каждый молодой человек нашей Родины. Поэтому просим зачислить в кадры РККА»²³. Не менее примечательно поведение комсомольца Косоткина, имевшего на своем иждивении двух нетрудоспособных родителей, и, тем не менее, отказавшегося от законной льготы²⁴.

Особую роль в росте патриотических настроений среди молодых людей играл положительный боевой опыт старших родственников. Так, молодой призывник Усков, окончивший школу снайперов и получивший четыре оборонных значка, говорил: «Мой старший брат три года служит в Красной армии. Он участвовал в освобождении наших единомыслителей братьев-украинцев и белорусов, участвовал на фронте в боях с финской белоохранительщиной. Я также, как и брат, буду служить честно, зорко охранять мирный труд нашей чудесной Родины»²⁵. Молодой призывник Моряев, впечатлявшийся ратными подвигами своих братьев на Западной Украине и Белоруссии, просил военкомат о досрочном зачислении в ряды РККА²⁶. Схожие настроения были распространены во

всех районах Тамбовской области в довоенный период, о чем свидетельствует характер большинства доступных источников.

Вместе с тем для некоторых молодых ребят служба в армии представлялась в качестве возможности отомстить за погибших отцов, братьев и боевых товарищей. К примеру, допризывник Пономарев заявлял: «Мой брат погиб на фронтах борьбы с финской белоохранительщиной. Прошу военкомат зачислить меня досрочно в ряды РККА и попасть в ту часть, в которой служил мой брат»²⁷. Еще более показателен отрывок из письма молодого кирсановца, участника боев у о. Хасан Гололобова, дважды раненого до его написания: «Смерть товарища вызвала у меня еще более горячую ненависть к японским самураям. И в первый же день после выхода из казармы я отомстил за своего товарища. Ни один бандит, попадавший на мою мушку, не уходил живым»²⁸. При этом советская власть поощряла проявление подобных настроений, активно публикуя их на страницах местных газет.

В то же время среди призывников Тамбовской области были и те, кто в связи с начавшейся советско-финской войной сторонился армейской службы, отказываясь подавать заявление о вступлении в ряды РККА²⁹. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют сделать однозначный вывод о мотивах подобного поведения юношей. Однако очевидно, что подъем патриотических чувств был присущ отнюдь не всем молодым людям. Несмотря на обострение внешнеполитического положения Советского Союза и усиления пропагандистских структур были и те, кто проявлял безразличие и равнодушие к вопросам внешней политики, и, тем не менее, среди молодежи Тамбовской области такие случаи встречались скорее в качестве исключения. К примеру, начальник облуправления НКВД Митряшов отмечал, что во время советско-финской войны некоторые комсомольцы отказывались подать заявление

²² ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1096. Л. 46-47.

²³ ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1069. Л. 48.

²⁴ ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1096. Л. 47.

²⁵ Тамбовская правда. 1940. 17 сент. С. 1.

²⁶ Тамбовская правда. 1940. 12 марта. С. 4.

²⁷ Тамбовская правда. 1940. 17 сент. С. 1.

²⁸ Молодой сталинец. 1938. 29 окт. С. 3.

²⁹ ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 331. Л. 101.

о вступлении в ряды РККА, заметив при этом, что такие случаи по Тамбовской области были единичны³⁰.

Таким образом, абсолютное большинство молодых людей в довоенный период переживало подъем патриотических чувств, что было несомненным успехом советской системы военно-патриотического воспитания накануне суровых трудностей и испытаний Великой Отечественной войны. Молодежь со всем свойственным ей романтизмом переживала успехи солдат Красной армии. Несмотря на обострение международных отношений в конце 1930-х гг., юноши и девушки с оптимизмом смотрели в будущее, расценивая советскую политику гарантом сохранения мира. При этом внедрение в сознание молодежи образа внешнего врага способствовало формированию представления о Советском Сою-

зе как об «осажденной крепости», окруженной со всех сторон «врагами».

Восприятие образа внешнего врага и его трансформация в сознании молодых людей были обусловлены изменениями советским руководством курса внешней политики. До подписания пакта Молотова–Риббентропа в качестве основного врага представляли страны с фашистскими и милитаристскими режимами (Германию, Италию и Японию), а после – капиталистические страны (в первую очередь – Англию и Францию). Вместе с тем ошибочные убеждения молодежи относительно скоротечности и превосходства Красной армии над любым противником, а также неоправданного ведения наступательных операций на территории потенциального агрессора сыграли деморализующую роль на начальном этапе схватки с фашизмом.

³⁰ ГАСПИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 331. Л. 101.

Список литературы

1. *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997. 226 с.
2. *Невежин В.А.* «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. 320 с.
3. *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. Нью-Йорк: L. Rausen, 1944. 587 с.
4. *Дьяченко М.В.* Общественно-политические настроения в СССР накануне Великой Отечественной войны: 1939–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 186 с.
5. *Солдатенков В.Д.* Политические и нравственные последствия усиления власти ВКП(б) 1928–1941 (июнь). СПб.: Просвещение, 1994. 144 с.

References

1. Senyavskaya E.S. Chelovek na voyne. Istoriko-psikhologicheskiye ocherki [A Man at War. Historical and Psychological Essays]. Moscow, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 226 p. (In Russian).
2. Nevezhin V.A. «Esli zavtra v pokhod...» [“If the Hike is Tomorrow...”]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2007, 320 p. (In Russian).
3. Zenzinov V.M. Vstrecha s Rossiiyey. Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze. Pis'ma v Krasnuyu Armiyu. 1939–1940 [Meeting with Russia. How and What They Live in the Soviet Union. Letters to the Red Army. 1939–1940]. New York, L. Rausen, Publ., 1944, 587 p. (In Russian).
4. Dyachenko M.V. Obshchestvenno-politicheskiye nastroyeniya v SSSR nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny: 1939–1941 gg.: dis. ... kand. ist. nauk [Social and Political Attitudes in the USSR on the Eve of the Great Patriotic War: 1939–1941. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2009, 186 p. (In Russian).
5. Soldatenkov V.D. Politicheskiye i npravstvennyye posledstviya usileniya vlasti VKP(b) 1928–1941 (iyun') [Political and Moral Consequences of the Strengthening of the Power of the CPSU (b) 1928–1941 (June)]. St. Petersburg, Prosveshcheniye Publ., 1994, 144 p. (In Russian).

Информация об авторе

Якимов Кузьма Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия», Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, gnom-gnom123@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>

Статья поступила в редакцию 26.02.2021
Одобрена после рецензирования 26.03.2021
Принята к публикации 21.05.2021

Information about the author

Kuzma A. Yakimov, Candidate of History, Associate Professor of “History and Philosophy” Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, gnom-gnom123@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1756-3515>

The article was submitted 26.02.2021
Approved after reviewing 26.03.2021
Accepted for publication 21.05.2021